

Ифигения в Авлиде

Автор:

Еврипид Еврипид

Ифигения в Авлиде

Еврипид

Трагедия была написана в Македонии в конце жизни Еврипида и поставлена в Афинах посмертно.

Миф о том, как Артемида потребовала с отправляющихся в Троянский поход греков выкупа за попутный ветер – дочь Агамемнона, Ифигению – уже использовался в не дошедших до нас трагедиях Эсхила и Софокла. Еврипид не объясняет, почему богиня потребовала неслыханного дара (греки не приносили человеческих жертв); Эсхил рассказывает о дурной примете – орлах, растерзавших беременную зайчиху. Существует и версия, согласно которой Агамемнон убил лань в священной роще Артемиды и был наказан за это.

Подмена жертвы на алтаре ланью и превращение Ифигении либо в бессмертную спутницу Артемиды, либо в ее жрицу – очень древний мотив. Еврипид разрабатывает его в "Ифигении в Тавриде".

Еврипид

Ифигения в Авлиде

Действующие лица

Агамемнон

Старик

Хор халкидских женщин

Менелай

Вестник

Клитемнестра

Ифигения

Ахилл

Действие происходит в стане ахейцев под Авлидой.

Пролог[1 - Единственный в греческой трагедии случай, когда обычный пролог (монолог, вводящий зрителей в курс дела), обрамлен диалогами.]

Агамемнон

Выходи из шатра на поляну, старик;

Ты мне нужен.

Старик

(за сценой)

Иду. В чем же замысел твой,

Агамемнон-отец?

Агамемнон

Поспешай.

Старик

Я спешу.

Моя старость, владыка, – бессонный покой,

А глаза у нее, что два сторожа, бдят.

Агамемнон

Этот яркий пловец... Как зовешь ты его?

Старик

Это – Сириус, царь; под седмицей Плеяд

Он плывет; половинный лишь пройден им путь.

Агамемнон

И кругом – тишина: не проснулись грачи[2 - грачи – в подлиннике просто “птицы”],

Не шелохнется море; могучий Еврип[3 - Еврип – пролив между Беотией и Евбеей.]

Точно скован воздушным молчаньем.

Старик

Но зачем же ты сам о палатке забыл,

Агамемнон-владыка? В Авлиде покой;

На стенах даже стража недвижно стоит.

Не вернуться ль в шатер?[4 - Не вернуться ли в шатер – нарушение сценической иллюзии: действительно, у Агамемнона нет никакой причины разговаривать со стариком по секрету на глазах у публики. Ниже мы узнаем, что Агамемнон делал внутри шатра. Характерное для Еврипида (в противоположность Софоклу) обнажение “скрытого пространства”.]

Агамемнон

Как ты счастлив, старик!

Как завидны мне все, что в безвестности век

Свой исполнить могли! А на славы верхах —

О, не стал бы я этих людей величать!

Старик

Но не там ли всей жизни найдешь красоту?

Агамемнон

Да, найдешь; да надолго ль? Приманка сладка,

А откусишь – претит. Оскорбленный ли бог

Наше счастье разрушит, иль прихоть людей

Его злобно на клочья истреплет...

Старик

Недостойное слово промолвил ты, царь!

Иль ты мнил, на бессменное счастье тебя,

Агамемнон, родил повелитель Атрей?

Боги смертнорожденному в долю дают

Лишь с печалью счастье; и рад ли, не рад —

Но ты должен веление божье терпеть.

Ты ж, светильника блеском шатер озарив,

Покрывал письменами скрижаль[5 - Скрижаль - покрытая воском дощечка для письма. Она складывалась вдвое и запечатывалась перстнем с печаткой.]... у тебя

И поныне в руках она; пишешь слова —

И стираешь опять; вот печатью скрепил —

Глядь, уж сорвана вновь она, оземь доску

Ты бросаешь, и слезы текут из очей.

Уж порой мне казалось, безумец сидит

Предо мною в шатре. Что терзает тебя?

Что случилось с тобой, государь? О, скажи

Мне доверия слово: я верен тебе.

Ведь недаром же в брачное вено меня

В твой чертог снарядил повелитель Тиндар

Провожатым почтенным невесты!

Агамемнон

Трех дочерей на свет явила Леда[6 - Трех дочерей на свет явила Леда – в мифах обычно упоминаются две: Клитемнестра и Елена.]:

Звалась Фебой первая из них,
Жена моя, вторая, Клитемнестрой,
И младшая Еленой. Женихов
Прославленных в Элладе и могучих
Ее краса манила, и вражды
Зажглось меж ними пламя: уж носились
Кровавые угрозы по устам,
Суля ее избраннику расправу...
Уж голову старик Тиндар терял,
Ее отец, колеблясь, выдавать ли,
Иль лучше дочь совсем не выдавать, —
И вдруг его решенье осеняет —
И юношам он молвит: “Женихи,
Клянись мне, соединив десницы
И пепел жертв обильно оросив,
Спасать от бед избранника невесты,
И если кто, будь варвар то иль грек,
Столкнув его с Елениного ложа,
Тиндара дочь в свой город увезет, —
Клянись мне разрушить стены вражь”,
Так царь Тиндар, опутав женихов
И клятвою связав их, дочке отдал:
“Любого, дочь, ты выберешь – плыви,

Куда влечет Киприды дуновенье”.

Был выбором отмечен Менелай.

О, горе нам!.. Но годы шли... Фригиец,

Решивший спор богинь[7 - Фригиец, решивший спор богинь, – Парис, признавший Афродиту прекраснейшей из богинь и за это получивший в награду прекраснейшую из женщин – Елену.] – так говорит

Предание, в Лакедемон приехал:

Цветами на одеждах ослепив,

Весь золотом увешанный, как варвар,

С царицею влюбленный Приамид

Влюбленную уплыл к родимой Иде[8 - Ида – гора в Троаде.],

Пока по свету ездил Менелай...

Но вот домой вернулся царь: язвимый

Любовью и обидою, он шлет

Во все края Эллады, чтоб о клятве

Припомнили ахейцы... На призыв

Воздвиглись копья мигом и немедля

Среди щитов блестящих женихи

Под парусом, на бранных колесницах,

Близ тесных вод авлидских собрались

И стали лагерем. А мне начальство

Поручено по выбору... Еще бы,

Ведь Менелай мне брат. О, эту честь,

А с ней и жезл охотно бы я отдал!

Окончены все сборы, и давно

К отплытию готов наш флот, да ветра
Бог не дает... И вот Калхант-вещун
Средь воинов, безвременьем томимых,
Изрек, что царь и вождь Агамемнон
Дочь Ифигению, свое рожденье, должен
На алтаре богини заколоть,
Царицы гладей этих. "Если, молвил,
Заколете девицу, будет вам
И плаванье счастливое, и город
Вы вражеский разрушите, а нет —
Так ничего не сбудется". Об этом
Пророчестве узнав, оповестить
Через Талфибия-герольда приказал я
Дружины наши известить, что дочь
Я никогда зарезать не отважусь.
Увы! Зачем меня речами брат
Сумел склонить на злое дерзновенье?
Вот на таком же складне написав,
Безумное я отдал приказанье
Жене, чтобы сюда прислала дочь:
Мол, Ахиллес ей руку предлагает...
А к тем словам добавил, что герой
Не хочет с нами разделить похода,
Коль в жены Ифигению ему
Я не отдам и ложа не разделит

Во Фтии с ним царица... Я в письме
Перед женою лгал, блестящим браком
Ее прельстить желая... И об этом
Здесь знают только трое: Менелай
Да Одиссей с Калхантом. О, решение
Позорное отброшено, - теперь
Как следует я все списал на эту
Дощечку, и сегодня ты, старик,
Меня как раз за этим ночью видел,
Когда печать срывал я и лепил.
Иди, старик, с моим посланьем в Аргос;
А чтоб ты знал, какую весть несешь,
Я верному слуге жены и дома
Ее сейчас словами передам...

Старик

Объясни же мне речью посланье твое,
Чтобы с записью вровень вещал мой язык.

Агамемнон

“Чадо Леды, тебе мой приказ,
А что раньше прочла - позабуди!..
На глубокую заводь Евбеи
Деву-дочь, царица, не шли

К бесприбойным, авлидским брегам...

Брачный факел ее сбережем

Мы до лучших дней, Тиндарида..."

Старик

А что будет с Ахиллом? Не стерпит гордец,

Что лишился невесты он: пламенный гнев

На тебя он воздвигнет и Ледину дочь, —

Он опасен; скажи, ты подумал о нем?

Агамемнон

Ничего он не знает; лишь имя его,

Не спросясь, я использовал. Все нарек

Женихом я Пелида, и деву ему

Для любовных объятий вотще посулил:

Его слуха та весть не коснулась.

Старик

Как? Ты сына богини нарек женихом,

Чтоб невесту отправить под нож, на алтарь?

Дерзновенна же мысль, Агамемнон, твоя!

Агамемнон

О, безумье меня охватило.

Был опутан грехом[9 - Был опутан грехом – поскольку греки не знают понятия “греха”, Агамемнон говорит, что “впал в ату” – роковой обман.] мой рассудок!

Но спеши, дорогой, и лета позабудь

На стопах окрыленных!

Старик

Мой царь, я готов.

Агамемнон

Не хоти отдохнуть ни в дубравы тени,

Ни у струй ручейка: пусть целительный сон

Не чарует очей утомленных.

Старик

Сохрани меня бог!

Агамемнон

На распутиях ты

Напрягай свои очи и зорко следи,

Не несет ли четверка летучих коней

По дороге повозку, и в ней мою дочь

К нашей ставке морской.

Старик

Твое слово – закон.

Агамемнон

А коль встретишь царевну вне стен городских,

Окруженную свитой, вскочи на возок,

У возницы поводья схвати – и назад

Их к творению древних киклопов[10 - К творению древних киклопов – мощные стены Микен, по преданию, сложили великаны (“циклопическая кладка”).] гони!

Старик

Но поверят ли мне твоя дочь, господин,

И царица твоя?

Агамемнон

На скрижали печать —

Береги ее. В путь! Уж белеет восток.

Недалеко заря и ретивый огонь

Скакунов Гелиоса. Старик, послужи!

Старик уходит.

О, стремления смертных! Никто не блажен

До конца своей жизни, – улыбка богов

Ненадолго нам светит. Трудись же, борись —

Чаши мук не уйдет ни единый.

Уходит в шатер.

Парод

На оркестру вступает хор халкидских женщин.

Хор

Строфа I

К вам я, волны авлидские,

Волны пенно-соленые,

Шла берегами песчаными.

И воды Еврипа тесного

Мой, рассекая, спешил челнок.

Я Халкиды возлюбленной

Стены родные покинула,

И Аретусы славной,

С гулом морским слитый,

Милый шум позабыла.

Видеть ахейцев душа горит

Рати суровые,

Что с Агамемноном

За Тиндаридою

Царь ведет златокудрый.

Так говорили мне:

Дивную с берега Еврота зеленого

Пастырь Парис увлек,

В дар от Киприды прияв ее.

Возле потока недаром он,

Возле жемчужно-росистого,

Ей присудил красоты венец

В споре с Палладой и Герою.

Антистрофа I

Рощей девы Латонии[11 - Латония - Артемида.],

Полной жертвокурения,

Ноги несли меня быстрые...

Но только лагеря пестрого

Пламя щитов увидала я,

Сбруи медной сверкание, —

Краской стыдливости розовой

Вспыхнули вмиг ланиты.

Там двух Аяксов славных,

Над доскою склоненных,

Видела жадно следивших я

Ходы мудреные...

Был Паламед при них —

Навлипя мудрый сын.

Мышцы рук напрягая,

Диск там Тидид метал.

Им Мерион[12 - Мерион – один из храбрейших героев у Гомера, однако не “сын Ареса” и не “чудо”.] любовался, Аресов сын,

Чудо меж смертными.

Там и Лаэртом рожденного

Зрела я скал повелителя;

Там и Нирей[13 - Нирей – у Гомера красавец, не отличавшийся мужеством и погибший в первом же бою.] мне герой предстал,

Муж, что красою сияющей

Равных не знает меж эллинов.[14 - Перечень вождей и кораблей близко воспроизводит “список кораблей” у Гомера (Илиада II 494–785). Еврипид оживляет перечень бытовыми сценками из жизни военного лагеря. Особенно приятно представить себе Аяков за настольной игрой (какая-то разновидность игры в кости, буквально: “тешились бросками разнообразных фигурок”, греческие кости представляли собой не кубики, а вырезанную из кости сложную фигуру). В подлиннике с ними играет еще и Протесилай.]

Эпод

Там и повитый Фетидою,

Мудрым Кентавром взлелеянный,

Взоры Ахилл пленял,

Ветра соперник...

Он по камням острым,

Берегом близ колесницы,

В панцире, в тяжких латах

Мчался, с четверкой споря...

Ферета даром внук,

Славный Евмел[15 - Евмел – его колесница названа в числе лучших уже у Гомера.] -герой

Криком коней бодрил;

Тщетно стрекалом он

Жег златоуздых пыл.

В очи мелькнули мне

Два дышловых коня:

Буро-сребристые,

Ноги с подпалиной;

Но пристяжные два,

На поворотах лишь

Силой им равные,

Даром взметали прах...

Вот уж в виду мета, —

И окольчуженный

Уж обогнал Пелид

Руки Евмеловы...

Вот он ярмо[16 - ярмо – в подлиннике “узда Ананки”, образ, навеянный “Агамемноном” Эсхила.] настиг:

Будет с победою...

Строфа II

Полюбилось сосчитать

Тьмы ахейских кораблей,

Чтоб и восторга и жалости блеском

Загорелся женский взор.

Там, где брызжет вал

В правое крыло,

Там фтиотские ладьи

Мирмидонский держит вождь.

Пятьдесят судов —

Пятьдесят богинь

Их в изваяньях златых охраняют:

То Нереиды, кормы украшенья;

Их Ахилла войско чтит.

Антистрофа II

Равные числом стоят

Рядом Аргоса ладьи,

Правят прекрасными сын Мекистея

И Сфенел, ретивый вождь.

Шестьдесят затем

Из Афин привел

Сильного Тесея сын.

Их не трудно распознать:

Ведь на всех зарей

Золотой горит

Лик вдохновенный Паллады могучей;

Грозно она колесницей крылатой

Правит, ясный знак пловцам.

Строфа III

Беотян затем снаряженье морское

Увидели мы: пятьдесят легкокрылых

Судов колышет волн прибой.

На них сверкает Кадм;

Поверженного змея

Пятой смиряет он.

А правит бесстрашную ратью плавучей

Землей рожденный[17 - Землей рожденный – Леит принадлежал к числу “спартов” (см. “Семеро против Фив”).] царь Леит.

Такой же силы вождь

За ними держит след —

Аякс, повелитель фокейцев и локров,

Покинув Фроний, стольный град.

Антистрофа III

А далее златом обильных Микен

Красуются струги; их сто собралось,

И вождь им всем – Атрея сын.

Но там же и Адраст[18 - Адраст – этот герой принадлежал к предыдущему поколению (ср. “Семеро против Фив”) и не участвовал в походе на Трою.] —

А друг он верный другу;

Грозит беглянке он,

Что бросила дом ради варварской свадьбы,

Напомнить эллинский закон.

Вблизи пилосский царь

Взор, Нестор[19 - Нестор – мудрый старец, один из главных героев “Илиады”.]
наш пленил;

Знак турокопытный лады его красит —

Алфей, реки родимой бог.

Эпод

Рядом стоят – дюжина всех —

Смелых суда энианов;

В бой их ведет витязь Гуней.

Далее – дети Элиды,

Их же эпейцами кличет народ,

Бранная сила Еврита.

Далее беловесельных мужей

С Тафа Мегет направляет.

Имя отца хочет герой,

Старца Филея, прославить:

Ради него цепь Эхинад

Бросил, пловцам недоступных.

В левом крыле гордый Аякс,

Витязь стоит саламинский;

Правому он близкий сосед,

Чуть не сплелись кораблями.

Только двенадцать ведет он судов —

Да, но ловчее не встретишь.

Вот наша сила. Пусть сцепится враг,

Вмиг о возврате забудет.

Сами суда видели мы;

Про остальное поведал

Дома народ; память храним

Вести и зрелища свято.

Эписодий первый

Вбегают старик; он силится отнять письмо у Менелая.

Старик

Стыдись, Атрид... Ведь это ж преступление!

Менелай

Прочь, говорят, не в меру верный раб!

Старик

Такою бранью я готов гордиться...

Менелай

Смотри, побью – заплачешь вдруг горядь.

Старик

Прочешь письмо чужое... и не стыдно?

Менелай

Стыдился б сам ахейцам яму рыть...

Старик

С царями спорь, а мне – письмо, ты слышишь?

Менелай

Нет, подождешь...

Старик

Письмо отдай, письмо...

Менелай

Оставь, старик: жезлом тяжелым царским

Я голову тебе раскровеню.

Старик

Ну что ж? Рабу бесчестия не будет,

Коль примет смерть он за своих господ.

Менелай

Эй, замолчи, слуга многоречивый!

Старик

Не замолчу... О Агамемнон, царь!

Твое письмо в чужих руках, и силой

Им завладел обидчик... Выручай!

Агамемнон выходит из шатра.

Агамемнон

Гей!

Что за шум под царской дверью: брань, смятение и крик?

Что случилось, и зачем ты вызывал меня, старик?

Менелай

Мне держать ответ приличней, чем холопу твоему.

Агамемнон

Ты чего же тут воюешь и зачем грозишь ему?

Менелай

Посмотри в глаза мне прямо – после будет разговор.

Агамемнон

Сын Атрея не умеет опускать в смущенье взор...

Менелай

Узнаешь ты этот складень[20 - Складень – опять же восковая табличка.], эти злые начертанья?

Агамемнон

Я не слеп. Изволь немедля возвратить гонцу посланье!

Менелай

Нет, его узнают прежде все данайцы, понимаешь?

Агамемнон

А с каких же пор ты письма посторонние вскрываешь?

Менелай

Да, к несчастью, Агамемнон, нам известен твой секрет.

Агамемнон

Что тебе известно? Совесть потерял ты вовсе, что ли?

Менелай

Мне давно узнать хотелось, ждуть царевны или нет?

Агамемнон

Да стеречь мою семью-то чьей же ты поставлен волей?

Менелай

Успокойся, не твоею, не бывал твоим рабом.

Агамемнон

О, неслыханная дерзость! Твой он, что ль, микенский дом?

Менелай

Ты обижен – что же делать? Веры в нас к тебе не стало.

“Да” – вчера, и “нет” – сегодня, а назавтра – все сначала.

Агамемнон

Гладкослов, язык твой ловкий, право, стоит очень мало.

Старик уходит.

Менелай

Шаткий ум твой не дороже. Что он даст друзьям, скажи?

Право, лучше, Агамемнон, гнев свой жаркий отложи.

Я не буду горячиться, – ты же, истину любя,

Не посетуй, коль увидишь, точно в зеркале, себя.

Вспомни, как душой горел ты стать вождем союзных ратей,

Сколько ран душевных прятал под расшитый свой гиматий!

Вспомни, как ты унижался[21 - Вспомни, как ты унижался – это уже камень в огород современных Еврипиду политиков.], черни руки пожимая,

Как дверей не запирали ты, без разбору принимая,

Как со всеми по порядку ты беседовал учтиво,

И врагов и равнодушных уловляя фразой льстивой...

И с ахейцами торгуясь за надменную утеху,

Чем тогда ты, Агамемнон, не пожертвовал успеху?

А потом, добившись власти, вспомни, как ты изменился,

От друзей своих недавних как умело отстранился!

Неприступен и невидим стал наш вождь. Не так бывает

С мужем чести, если жребий путь широкий открывает

Перед ним: сильнее он любит друга, в горе нажитого,

Рад он лить ему усладу из бокала золотого;

Он доступней, потому что стал сильнее и богаче...

Ты же, царь, ребячью душу обнаружил средь удачи...

Помнишь: мы пришли в Авлиду, но попутчика не слали

Боги нам из стаи ветров; и ахейцы возроптали.

“Распусти нас, говорили, жить в Авлиде нам постыло”.

Ты как тень бродил печально: жалоб, жалоб что тут было!

Царь в мечтах уж видел тучи парусов под Илионом,

Он копьем делил нам нивы... А меж тем с бессильным стоном

Приставал ко мне: “Что делать? Чем поможем мы несчастью?”

О Атрид, ты видел выход, да жалел проститься с властью!

Помнишь, как ты был ничтожен, за борт выброшен судьбою?

А когда Калхант-гадатель Артемиде для убоя

Дочь твою обрек на жертву, путь взамен суля счастливый,

Помнишь, как ты духом ожил, как в надежде торопливой

Сам, никем не принуждаем, написал, чтоб Тиндарида

Ифигению прислала, – мол, невесту для Пелида?

Ну, уладил дело... Как же! Снова шлются уверенья...

Царь раскаяться изволил в самой мысли преступленья...

Но ведь солнце не погасло, что и те слова слыхало?

О, вас тысячи подобных... Почесть, деньги – все им мало.

Власти ищут, а добились – чуть доходит до расплаты,

Проклинают алчность черни, будто люди виноваты,

Что под царскою кольчугой сердце лани робкой бьется.

Но, Эллада, царь, Эллада!.. Ей за что же достается?

Иль в угоду дочке царской нам отдать на посмеянье

Наши славные угрозы, – этой челяди деянья

Недостойные спуская? Нет, мешки вы золотые,

Не годитесь вы для трона, не вожди вы боевые!

Корифей

Ох, не к добру, когда заспорят братья,

И этот спор вражду меж них родит...

Агамемнон

Я браниться не намерен; краток речью, сердцем сдержан,
Благородный муж так нагло в словопреньях не взирает...
В брате будет чтить он брата, как бы ни был им рассержен.
Посмотри, на что похож ты: горло гнев тебе спирает,
Глаз белки налились кровью; что, скажи, с тобою случилось?
Ты обижен? Ты ограблен? Жен для ложа не осталось?
Иль за это мы в ответе, что тебе приобретений
Воротить твоих не можем... мужа-сторожа Елене.
В гордом брате жажда славы раздражает Менелая:
Он бывает счастлив, только жен красивых обнимая;
Доблесть он считает шуткой; честь и ум ему – забава.
О спартанец, пошлость вкусов обличает низость нрава...
Брата ты зовешь безумцем, оттого что он решился
Промах сделанный исправить... Не скорей ли ты взбесился,
Что, богами щедро взыскан, новый жребий свой порочишь
И жену на ложе злую воротить насильно хочешь?
Иль ты мнишь, тебе в угоду опьяненные любовью
Женихи перед Тиндаром мстить тогда клялися кровью?
Нет, безумец, окрыляла их небесная надежда.
Что ж? Веди их! Только б после не раскаяться, невежда:
Бог не дремлет и не слепнет, и ему всегда известно,
Если вынудили клятву без сознания и бесчестно...
На меня ж не полагайся... Не зарежу голубицы,

И тебе я – не помощник в исправлении блудницы,
Чтобы мужа утешала, оставляя мне на долю
Над пролитой детской кровью дни и ночи плакать вволю!
Все сказал тебе, Атрид, я речью краткой и прямою.
Вразумил – тебе же лучше. Нет – и сам дела устрою.

Корифей

Да, речь иную нам пришлось услышать.
Мы за него: спасая дочь, он прав.

Менелай

О, горе мне! В друзьях я ошибался.

Агамемнон

Ища сгубить, ты их теряешь сам...

Менелай

Один отец родил нас? Не поверю!

Агамемнон

Разумному я брат, безумцу – нет.

Менелай

Но ведь друзей роднить должна невзгода...

Агамемнон

Нас друг зовет на пир, а не на казнь.

Менелай

Итак, трудов с Элладой ты не делишь?

Агамемнон

Да, не делю: с тобою заодно

Ее какой-то демон обезумил.

Менелай

Тебя же жезл ахейский ослепил...

Ступай, предатель братний... Я иные

Пособия придумаю, друзей

Найду иных!

Входит вестник.

Вестник

О вождь союзных ратей,

Привет тебе и радость! Дева-дочь,

Которую в чертоге ты изволил

Царевной Ифигенией назвать,
Здесь, у тебя, а с ней и Клитемнестра,
Твоя супруга славная, и сын,
Дитя-Орест, к Атриду с ними прибыл,
Так много дней не зревшему свой дом;
Но женщин, царь, измаяла дорога, —
У светлого источника они
Остановились, с нежных ног истому
Стряхнуть и кожу влагой освежить...
Я кобылиц, с усталых упряжь снявши,
На луг пустил: пусть травки поедят.
А сам бегом к тебе. Принять с почетом
Захочешь ты, конечно, мать и дочь...
Ахейцы о приезде их уж знают.
Да, птицей шум весь лагерь облетел:
Так и бегут толпами подивиться
На дочь твою, царевну... О, в миру
Великие сияньем взоры манят,
Что в небесах далекая звезда.
Вокруг я слышал говор: “Верно, свадьба
Иль царский пир готовится... смотри,
Царю-то дочь как загорелось видеть”.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Единственный в греческой трагедии случай, когда обычный пролог (монолог, вводящий зрителей в курс дела), обрамлен диалогами.

2

грачи – в подлиннике просто “птицы”

3

Еврип – пролив между Беотией и Евбеей.

4

Не вернуться ли в шатер – нарушение сценической иллюзии: действительно, у Агамемнона нет никакой причины разговаривать со стариком по секрету на глазах у публики. Ниже мы узнаем, что Агамемнон делал внутри шатра. Характерное для Еврипида (в противоположность Софоклу) обнажение “скрытого пространства”.

5

Скрижаль – покрытая воском дощечка для письма. Она складывалась вдвое и запечатывалась перстнем с печаткой.

6

Трех дочерей на свет явила Леда – в мифах обычно упоминаются две: Клитемнестра и Елена.

7

Фригиец, решивший спор богинь, – Парис, признавший Афродиту прекраснейшей из богинь и за это получивший в награду прекраснейшую из женщин – Елену.

8

Ида – гора в Троеде.

9

Был опутан грехом – поскольку греки не знают понятия “греха”, Агамемнон говорит, что “впал в ату” – роковой обман.

10

К творению древних киклопов – мощные стены Микен, по преданию, сложили великаны (“циклопическая кладка”).

11

Латония – Артемида.

12

Мерион – один из храбрейших героев у Гомера, однако не “сын Ареса” и не “чудо”.

13

Нирей – у Гомера красавец, не отличавшийся мужеством и погибший в первом же бою.

14

Перечень вождей и кораблей близко воспроизводит “список кораблей” у Гомера (Илиада II 494–785). Еврипид оживляет перечень бытовыми сценками из жизни военного лагеря. Особенно приятно представить себе Аяксов за настольной игрой (какая-то разновидность игры в кости, буквально: “тешились бросками

разнообразных фигурок”, греческие кости представляли собой не кубики, а вырезанную из кости сложную фигуру). В подлиннике с ними играет еще и Протесилай.

15

Евмел – его колесница названа в числе лучших уже у Гомера.

16

ярмо – в подлиннике “узда Ананки”, образ, навеянный “Агамемноном” Эсхила.

17

Землей рожденный – Леит принадлежал к числу “спартов” (см. “Семеро против Фив”).

18

Адраст – этот герой принадлежал к предыдущему поколению (ср. “Семеро против Фив”) и не участвовал в походе на Троию.

19

Нестор – мудрый старец, один из главных героев “Илиады”.

20

Складень – опять же восковая табличка.

21

Вспомни, как ты унижался – это уже камень в огород современных Еврипиду политиков.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/evripid/ifigeniya-v-avlide-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)